

БОЛЬШИЕ

КНИГИ

Роальд Да́ль

ДОРОГА
В РАЙ

*Полное собрание
рассказов*

Издательство «Иностранка»
МОСКВА

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
Д 15

Roald Dahl
OVER TO YOU:
Ten Stories of Flyers and Flying
Copyright © Roald Dahl Nominee Ltd, 1946
SOMEONE LIKE YOU
Copyright © Roald Dahl Nominee Ltd, 1953
KISS KISS
Copyright © Roald Dahl Nominee Ltd, 1960
SWITCH BITCH
Copyright © Roald Dahl Nominee Ltd, 1974
THE UMBRELLA MAN
MR BOTIBOL
VENGEANCE IS MINE INC.
THE BUTLER
AH, SWEET MYSTERY OF LIFE
THE BOOKSELLER
THE HITCHHIKER
THE SURGEON
Copyright © Roald Dahl Nominee Ltd, 1979
All rights reserved

Перевод с английского
Игоря Богданова, Михаила Пчелинцева

Оформление обложки Ильи Кучмы

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

© И. Богданов (наследник), перевод, 2017
© М. Пчелинцев (наследники), перевод, 2017
© Издание на русском языке, оформление
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2017
Издательство Иностранка®

ISBN 978-5-389-12381-6

ПЕРЕХОЖУ
НА ПРИЕМ

СМЕРТЬ СТАРОГО ЧЕЛОВЕКА

О господи, как мне страшно.

Но теперь я один и не буду это скрывать. Мне вообще больше ничего не нужно скрывать. Теперь я могу дать волю чувствам, потому что меня никто не видит, потому что между мною и ними двадцать одна тысяча футов. И еще потому, что больше я не могу притворяться, даже если бы и захотел. Мне теперь не нужно стискивать зубы и поджимать подбородок, как я это сделал во время обеда, когда капрал принес приказ и отдал его Жестянщику, а Жестянщик посмотрел на меня и сказал: «Твоя очередь, Чарли. Ты следующий». Будто я этого не знал. Будто не знал, что следующим полечу я. Будто я не знал об этом накануне, когда отправился спать. Да я знал об этом и в полночь, когда не мог заснуть, и помнил об этом всю ночь напролет, помнил и в час ночи, и в два, и в три, и в четыре, и в пять, и в шесть, и в семь часов утра, когда встал с кровати. Будто я этого не знал, когда одевался, завтракал и просматривал журналы в столовой, играл там в орел и решку и бильярд и читал объявления на доске. Я и тогда это знал и помнил об этом, когда мы шли обедать и когда ели баранину на обед. А когда капрал принес приказ, то я счел, что так и должно быть. Стоит ли удивляться, что начинается дождь после того, как налетит туча? Когда капрал вручил приказ Жестянщику, я знал, что Жестянщик скажет, прежде чем тот открыл рот. Я точно знал, что он скажет.

Так что чему тут удивляться.

Но когда он сложил приказ, сунул его в карман и сказал: «Доедай свой пудинг. У тебя еще куча времени», — вот тогда мне сделалось не по себе, потому что я понял, что скоро все начнется сначала, через полчаса буду застегиваться на все ремни, проверять двигатель и подам знак технику убрать колодки. Все остальные доедали пудинги; мой же лежал нетронутым на тарелке; я и прикоснуться к нему не мог. Но мне полегчало, когда я поджал подбородок и сказал: «Ну наконец-то. Давно надоело сидеть тут и ковы-

рять в носу». Мне точно полегчало, когда я это сказал. Наверное, и другие говорят то же самое перед вылетом. А когда я встал из-за стола и сказал: «Увидимся за чаем», то и это, думаю, прозвучало нормально.

Но теперь мне уже не нужно делать ничего такого. Слава богу, ничего подобного делать уже не нужно. Теперь можно расслабиться. Теперь я могу делать все, что захочу. Главное — правильно вести самолет. Раньше такого не было. Четыре года назад все было прекрасно. Мне нравилось летать, потому что это увлекательно, потому что ожидание на аэродроме можно было сравнить с ожиданием начала футбольного матча или вечеринки с друзьями. Да и три года назад все было нормально. И потом, эти обязательные три месяца отдыха, затем возвращение в строй, отдых, возвращение. Всегда возвращаешься и всегда без последствий, и при этом все говорят, какой ты замечательный летчик, и никто не знает, что с тобой было в тот раз около Брюсселя, и как тебе повезло над Дьепом¹, и какой кошмар творился в другой раз над Дьепом, и как тебе фартило каждую неделю в этом году, и сколько страху ты натерпелся, и сколько раз удача отворачивалась от тебя, — и так во время каждого полета. Никто этого не знает. Все только и говорят: «Чарли — отличный летчик», «Чарли — прирожденный пилот», «Чарли — молодец».

Был когда-то. Но не сейчас.

Теперь с каждым разом ему все хуже. Начинается все с того, что сзади к тебе медленно что-то подкатывается, как бы надвигается, притом бесшумно, а потом будто на тебя что-то давит. Не повернувшись, так и не узнаешь, что это. Если бы можно было обернуться, то, вероятно, это можно было бы и остановить, но всякий раз происходит внезапно. Словно что-то подбирается, становится ближе и ближе. Точно так же кот подкрадывается к воробью, но только то, что приближается к тебе, не прыгает, как прыгнул бы кот, а просто склоняется над тобой и что-то шепчет в ухо. Потом мягко касается твоего плеча и напоминает тебе, что ты молод, что тебе нужно сделать миллион дел и сказать миллион слов, что если ты не будешь осторожен, то пеняй на себя, раньше или позже тебе все равно придется пенять на себя, и что, когда тебе крупно не повезет, ты превратишься в ничто, в обожженный труп. Тебе будто кто-то на-

¹ Город во Франции. (Здесь и далее примеч. перев.)

шептывает, как будет выглядеть твой труп, когда сгорит, каким он будет черным, исковерканным и покоробившимся, с черным лицом, черными пальцами и босыми ногами, потому что ботинки всегда сползают с ног, когда вот так умираешь. Поначалу нашептывание происходит только по ночам, когда тебе не спится. Потом — в самое неподходящее время днем, когда ты чистишь зубы, или пьешь пиво, или идешь по коридору. А в конце концов ты слышишь все это и днем и ночью.

Вон там Имуден¹. Такой же, как обычно, с небольшим выступом в море. А вон Фризские острова — Тексель, Влиланд, Терсхеллинг, Амеланд, Юист и Нордерней. Я их все знаю. Они похожи на бактерии под микроскопом. А вон там Зёйлер-Зе², вон Голландия, Северное море, там Бельгия и весь мир. Там, внизу, весь этот чертов мир, со всеми его людьми, которых никто не собирается убивать, с его домами, городами и морем, полным рыбы. Рыбу тоже никто не собирается убивать. Убивать собираются только меня. Но я не хочу умирать. О боже, да не хочу я умирать! Сегодня, во всяком случае. И дело не в том, что может быть больно. Вовсе нет. Пусть мне отдавит ногу или обгорит рука — клянусь, я этого не боюсь. Но умирать я не хочу. А ведь четыре года назад я не боялся. Точно помню — четыре года назад мне было не страшно. Да и три года назад тоже. Все было замечательно, просто отлично. Всегда отлично, когда кажется, что проигрываешь, а тогда именно так и казалось. Всегда отлично вести бой, когда кажется, что в любом случае все потеряешь, а четыре года назад так и было. Но теперь мы побеждаем. А это ведь совсем другое, когда побеждаем. Если я сейчас погибну, то потеряю пятьдесят лет жизни, а это терять я не хочу. Я готов потерять все, что угодно, но только не это, потому что это как раз то, что я хочу сделать, что хочу увидеть, вообще все, включая нас с Джоуи. И я хочу когда-нибудь вернуться домой. И гулять по лесу. И наливать что-нибудь из бутылки. И с нетерпением ждать уик-энда, и чувствовать каждый час, каждый день, каждый год, что я жив, и чтобы это продолжалось пятьдесят лет. Если я сейчас умру, то этого не будет, да и всего остального тоже. Не будет того, чего я не знаю. Мне кажется, что именно это я и боюсь потерять. Думаю, умирать я не хочу потому, что на что-то на-

¹ Порт в Амстердаме.

² Северное море (гол.).

деюсь. Да, пожалуй, так и есть. Уверен, что это так. Наставь револьвер на бродягу, на промокшего трясущегося бродягу, стоящего на обочине дороги, и скажи ему: «Я тебя сейчас убью», — и он ответит сквозь слезы: «Не стреляйте. Прошу вас, не стреляйте». Бродяга цепляется за жизнь потому, что на что-то надеется. И я цепляюсь за нее по этой же причине. Но я уже так давно за нее цепляюсь, что больше не могу. Скоро сдамся. Это все равно что висеть над обрывом, вот что это такое. А я уже давно повис, ухватившись пальцами за выступ скалы, не в силах подтянуться, а пальцы все слабеют и немеют, так что раньше или позже я точно сдамся. Звать на помощь я не стану, это единственное, на что у меня не хватит духу, поэтому и дальше буду висеть над обрывом и скрести ногами о скалу, отчаянно пытаясь нашупать опору. Скала, однако, крутая и гладкая, как борт судна, а опоры все нет и нет. Теперь я стучу по ней ногами, вот чем я занимаюсь. Я стучу ногами по гладкой скале, но опоры-то нет. Скоро придется сдаться. Чем дольше буду висеть, тем больше буду в этом уверен, поэтому с каждым часом, с каждым днем, с каждой ночью, с каждой неделей страх все больше одолевает меня. Четыре года назад я вот так не висел на краю обрыва. Я бегал по плоской вершине, и, хотя и знал, что где-то есть обрыв, с которого можно упасть, мне это никак не мешало. Так было три года назад, а сейчас все по-другому.

Я знаю, что я не трус. Да, я уверен в этом. Я всегда буду делать свое дело. Сегодня, в два часа дня, я лечу курсом сто тридцать пять со скоростью трехсот шестьдесят миль в час, и полет проходитnormally. И хотя я настолько боюсь, что с трудом шевелю мозгами, я все равно буду и дальше летать. Еще ни разу не вставал вопрос о том, чтобы не лететь или возвращаться назад. Лучше умру, чем поверну назад. Мне никогда и в голову не приходит повернуть назад. Хотя было бы легче, если бы пришло. Я бы скорее предпочел бороться с этим искушением, чем со страхом.

Вон там Вассалт. Несколько замаскированных зданий и большой замаскированный аэродром, на котором, наверное, полно «сто девятых» и «сто девяностых»¹. Голландия выглядит прекрасно. Летом, должно быть, это замечательное место. Думаю, сейчас там внизу заготавливают сено, а немецкие солдаты, надо полагать, смотрят, как голландки заготавливают сено. Мерзавцы. Сначала

¹ Немецкие самолеты «Мессершmitt-109» и «Фокке-Вульф-190».

смотрят, как те заготавливают сено, потом уводят их к себе в дом. Хотел бы я сейчас заготавливать сено. Заготавливать сено и пить сидр.

Летчик сидел в кабине. Его лица не было видно за очками и кислородной маской. Его правая рука свободно лежала на ручке управления, а левая — на рычаге газа. Он то и дело осматривал небо. Его голова по привычке все время вертелась из стороны в сторону — медленно, механически, как у заводной куклы, так что почти каждое мгновение он осматривал какую-либо часть голубого неба: вверху, внизу и вокруг себя. Но пару раз он посмотрел и в сторону солнца, как смотрел в другие стороны, ибо именно там прячется враг, там он тебя поджидает, чтобы броситься на тебя. На небе можно спрятаться только в двух местах. Одно из них — это туча, а другое — солнечный свет.

Он продолжал полет. И хотя мысли его были заняты совсем другим, а мозг был мозгом человека, испытывающего страх, им все-таки владел инстинкт летчика, который находится во вражеском небе. Не прекращая крутить головой, он бросил быстрый взгляд на приборы. На это ушло не больше секунды, но так же, как фотокамера фиксирует множество предметов после открытия затвора, так и он одним взглядом отметил давление масла, количество горючего, обороты двигателя, высоту и скорость, и почти в то же время он снова осматривал небо. Он посмотрел в сторону солнца, и, когда сощурил глаза и впился взглядом в ослепительную яркость солнца, ему показалось, будто он что-то увидел. Ну да — маленькая черная точка медленно движется по яркой поверхности солнца, но для него это была вовсе не точка, а самый настоящий немецкий летчик в «фокке-вульфе» с пушкой в крыле.

Он понял, что его увидели. Он был уверен, что тот, наверху, наблюдает за ним, выжидает удобный момент, точно знает, что его не видно из-за яркого солнца, следит за «спитфайром» и готовится к атаке. Человек в «спитфайре» не отводил глаз от маленькой черной точки. Он больше не крутил головой. Он следил за врагом и, не спуская с него глаз, убрал левую руку с рычага газа и осторожно отвел ее назад. Его рука двигалась быстро и уверенно, касаясь то этого, то того, включая тумблер «огонь», снимая гашетку с предохранителя, а большой палец медленно нажимал на рычаг, с помощью которого едва заметно увеличивается шаг винта.

Теперь все его мысли были только о бое, больше ни о чем. Он уже не испытывал страха и не думал о том, что ему страшно. Все это осталось в мечтах, и так же, как человек, проснувшись утром, забывает свой сон, так и он, увидев врага, забыл, что ему было страшно. Такое с ним случалось уже сотни раз, и вот теперь происходит то же самое. Неожиданно, в одно мгновение, он стал спокойным и расчетливым и, в то время как готовился внутренне и производил необходимые действия в кабине, не спускал глаз с немца, выжидая действий с его стороны.

Он был отличным летчиком. Потому что когда было необходимо, когда наступал нужный момент, он становился спокойным, смелым и руководствовался инстинктом, который превосходил его спокойствие, смелость или опыт. Он добавил газ и осторожно взял на себя ручку управления, стремясь набрать высоту и лишить немца хотя бы немного того преимущества, которое тот имел, находясь на пять тысяч футов выше. Но времени у него было не много. «Фокке-вульф» пикировал на него со стороны солнца, на всей скорости. Летчик увидел его, но продолжал свой полет, делая вид, что ничего не заметил, и все это время он смотрел на немца через плечо, выбирая момент, когда можно будет повернуть. Если повернуть слишком рано, то и немец повернет вместе с ним, и тогда ему крышка. Если повернуть слишком поздно, то немец все равно его достанет, если сможет выстрелить прямо по курсу, а значит, и тогда ему крышка. Поэтому он смотрел и выжидал, повернув голову и глядя через плечо, и прикидывал, какое между ними расстояние. И едва немец приблизился настолько, что мог в любую секунду нажать большим пальцем на гашетку, летчик резко изменил курс. Он рванул ручку управления на себя и налево, сильно надавил левой ногой на педаль руля направления, и «спитфайр» метнулся в сторону, точно лист, подхваченный порывом ветра. Летчик на мгновение потерял сознание.

Когда к нему вернулось зрение, когда кровь отхлынула от головы и от глаз, он взглянул вверх и увидел, как немецкий истребитель, сильно накренившись, разворачивается вместе с ним, пытаясь крутануться как можно круче, чтобы снова сесть на хвост «спитфайру». Бой начался. «Поехали, — сказал он про себя. — Ну, кто кого на сей раз?» И быстро улыбнулся потому, что был уверен в себе, и еще потому, что в такой ситуации ему приходилось быть не раз, а также потому, что он всегда выходил победителем.

Он был великолепным летчиком. Но и немец был неплох, и, когда «спитфайр» развернулся круче, «фокке-вульф», кажется, сделал то же самое, и они развернулись вместе. Когда «спитфайр» неожиданно убрал газ и встал свечой, «фокке-вульф» перевернулся через крыло и ушел в пике, а затем закрутил петлю, так что снова оказался сверху и сзади. «Спитфайр» перевернулся через крыло и метнулся в сторону, но «фокке-вульф» следил за ним и тоже перевернулся через крыло и метнулся в сторону, сидя у него на хвосте, и тотчас выпустил по «спитфайру» короткую очередь, но промахнулся. Минут пятнадцать два небольших самолета кружились друг вокруг друга, делая крутые виражи; они следили друг за другом и держали дистанцию, как это делают боксеры на ринге, выжидая момент, когда противник раскроется или потеряет бдительность. То и дело, резко развернувшись, один самолет атаковал другой, и маневры с пикированием, переворотом через крыло и набором высоты повторялись.

Все это время летчик в «спитфайре» сидел в кабине с прямой спиной и вел самолет не руками, а кончиками пальцев, и «спитфайр» был не самолетом, а частью его тела. Мышцы его рук и ног были в крыльях и в хвосте машины, и, когда он делал вираж, разворот, пикировал или набирал высоту, он двигал не своими руками и ногами, а крыльями, хвостом и корпусом самолета, потому что корпус «спитфайра» был телом летчика и между тем и другим не было разницы.

Бой продолжался, и все это время, пока они сражались друг с другом, они теряли высоту и оказывались все ближе и ближе к голландским полям, так что скоро до земли осталось всего три тысячи футов и можно было разглядеть изгороди, и низкие деревья, и тени, которые эти деревья бросали на траву.

Раз немец выстрелил наудачу длинной очередью с расстояния тысячи ярдов. Летчик «спитфайра» увидел, как перед носом его машины промелькнул трассирующий снаряд. В другой раз, когда они летели близко друг от друга, он успел разглядеть под стеклянным фонарем кабины голову, коричневый шлем, очки, маску, белый шарф и плечи немца, причем голова была повернута в его сторону. И еще был раз, когда он потерял сознание после быстрого выхода из пикирования и времененная слепота длилась дольше, чем обычно. Она продолжалась секунд, быть может, пять, и, когда зрение вернулось к нему, он быстро огляделся в поисках «фокке-вульфа» и увидел его на расстоянии полукилометра. Тот летел прямо на

него — тонкая полоска длиной в дюйм, которая быстро увеличивалась, притом так быстро, что почти тотчас она была длиной уже не в дюйм, а в полтора, потом в два, потом в шесть, а потом и в фут. Времени в его распоряжении не было совсем — может, секунда, самое большое две, но и этого было достаточно, потому что ему не нужно было думать или решать, что предпринять. Ему надо было лишь дать волю инстинкту, который руководит его руками, ногами и крыльями и корпусом самолета. Нужно было сделать только одно, и «сплитфайр» это сделал. Он круто набрал высоту и, резко развернувшись под прямым углом, бросился на «фокке-вульф». Он летел прямо на него, лобовая атака.

Две машины быстро мчались навстречу друг другу. Летчик в «сплитфайре» сидел с прямой спиной в своей кабине, и теперь самолет окончательно стал частью его тела. Он смотрел на перекрестье прицела — маленьку желтую точку электрического света, выступающую в верхней части козырька кабины, и теперь она приближалась к «фокке-вульфу». Он быстро и точно подправлял самолет немного в одну сторону, немного в другую, и желтая точка, двигавшаяся вместе с самолетом, плясала и дергалась из стороны в сторону, и неожиданно она остановилась на тонкой полоске «фокке-вульфа». Большим пальцем правой руки в кожаной перчатке он нащупал гашетку, осторожно нажал на нее, как охотник нажимает на курок ружья, его пушки выстрелили, и он увидел, как в то же самое время из носа «фокке-вульфа» вырвались маленькие язычки пламени. От начала и до конца на все про все ушло не больше времени, чем на то, чтобы закурить сигарету. Немецкий летчик шел прямо на него, и неожиданно пилот «сплитфайра» отчетливо увидел перед собой круглый бесцветный нос «фокке-вульфа» и его тонкие распростертые крылья. Когда концы крыльев встретились, раздался треск и левое крыло «сплитфайра» с хрустом оторвалось от корпуса.

«Спитфайру» пришел конец. Он стал падать, как падает мертвая птица, и, умирая, слегка трепетал одним крылом. Падая, самолет продолжал движение по тому курсу, которым летел. Руки летчика единственным движением расстегнули ремни, сорвали шлем и отодвинули колпак кабины, затем ухватились за ее края. Покинув самолет, летчик потянулся за вытяжным кольцом парашюта, схватил его правой рукой и дернул, так что парашют вырвался и раскрылся и ремни впились ему в промежность.

Неожиданно наступила полная тишина. Ветер дул ему в лицо, трепал его волосы. Он поднял руку и убрал волосы с глаз. Он находился на высоте примерно в тысячу футов. Взглянув вниз, он увидел плоскую зеленую местность — поля, изгороди, и никаких деревьев. На поле, внизу, он увидел несколько коров. Потом он посмотрел наверх и тут же произнес: «О господи», и его рука быстро метнулась к правому бедру. Он нашупал револьвер в кобуре. Не более чем в пятистах ярдах от него одновременно с ним и с такой же высоты спускался на парашюте еще один человек. Едва взглянув на него, он понял, что это мог быть только немецкий летчик, и никто другой. Его самолет наверняка тоже пострадал в столкновении со «спитфайром». Должно быть, и он быстро выбрался. И вот они оба спускаются на парашюте так близко друг от друга, что, возможно, и приземлятся на одном поле.

Расставив ноги и держась за ремни парашюта поднятыми руками, он еще раз посмотрел на немца. Это был невысокий мужчина, коренастый, но отнюдь не молодой. Немец тоже смотрел на него, просто не сводил с него глаз, и, когда его крутануло в воздухе, он повернул голову и принял смотреть через плечо.

Они продолжали опускаться. Оба смотрели друг на друга, думая о том, что же будет дальше, но немец был королем, потому что приземлялся на своей территории. Летчик «спитфайра» опускался на вражеской территории; его возьмут в плен или же убьют, или он убьет немца, а если сделает это, то убежит. В любом случае убегу, подумал он. Я уверен, что бегаю быстрее, чем этот немец. Он, похоже, не очень-то быстро бегает. Побегу от него по полю и скроюсь где-нибудь.

Земля была уже близко. До приземления оставалось лишь несколько секунд. Он видел, что немец почти наверняка приземлит-ся на том же поле, что и он, на поле, где паслись коровы. Он посмотрел, что это за поле, широкая ли изгородь и есть ли в изгороди проход, и тут увидел небольшой пруд и ручеек. Коровы пили воду из этого пруда, вокруг него было грязно, и вода была грязной. Пруд оказался прямо под ним. Он уже был на высоте роста лошади над прудом и быстро падал. Он падал в самую середину пруда. Он быстро ухватился за ремни над головой и попытался подтянуть парашют стропами с одной стороны, чтобы изменить направление, но было слишком поздно — его усилия не увенчались успехом. Неожиданно что-то пронеслось у него в голове и отдалось где-то в желудке, и страх, о котором он забыл во время боя, снова нава-

лился на него. Он видел пруд и черную поверхность воды в пруду, но это был уже и не пруд вовсе, а вода — совсем не вода. Это была небольшая черная дыра в земле, углублявшаяся на многие мили вниз, с крутыми гладкими стенами, как борт судна, и она была такая глубокая, что стоит в нее попасть, как будешь падать, и падать, и падать, и так до конца жизни. Он видел вход в эту дыру, видел, какая она глубокая, а он был лишь маленьkim коричневым камешком, который кто-то поднял, потом подбросил в воздух, да так, чтобы он полетел в эту дыру. Он был камешком, который кто-то нашел в траве в поле, вот что он такое. И вот он падает, а внизу эта дыра.

Подняв брызги, он опустился в воду. Он с головой ушел под воду, и его ноги коснулись дна пруда и увязли в грязи. Голова его была под водой, но она снова показалась над поверхностью. Он стоял на дне. Вода была ему по плечи. Парашют накрыл его сверху. Его голова была опутана ремнями и белым шелком, он попытался было высвободиться, сначала с одной стороны, потом с другой, но вышло только хуже, да и страх усилился, потому что белый шелк накрыл его с головой и он ничего не видел, кроме груды белой материи и спутавшихся ремней. Он шагнул к берегу, но его ноги застяли в грязи; он стоял по колено в грязи. Поэтому он продолжал бороться с парашютом и спутавшимися ремнями. Он дергал за ремни, стараясь высвободить голову, и тут услышал шаги человека, который бежал по траве. Он слышал, как шаги приближаются. Немец, должно быть, прыгнул, потому что послышался всплеск и летчик упал под весом чужого тела.

Оказавшись под водой, он начал инстинктивно сопротивляться. Но его ноги увязли в грязи, тот, другой человек был сверху и, держа руками за шею, пытался удержать его под водой. Сильные пальцы сдавили ему горло. Он открыл глаза и увидел коричневую воду, а в воде — пузырьки. Маленькие светлые пузырьки медленно поднимались вверх в коричневой воде. Не было ни шума, ни криков, ничего больше не было, лишь светлые пузырьки поднимались в воде, и вдруг в голове у него тоже просветлело, как светлеет в тихий солнечный день. Да не буду я бороться, подумал он. К чему бороться, ведь если на небо набежала туча, значит быть дождю.

Он обмяк и расслабил все мышцы, потому что у него не было никакого желания бороться. Как это хорошо — не бороться. Да и зачем это? Глупо было столько бороться и так долго; глупо было

СМЕРТЬ СТАРОГО ЧЕЛОВЕКА

молиться за то, чтобы вышло солнце, когда на небе туча. Надо было кричать: «Пусть идет дождь! Пусть льет как из ведра! Мне все равно!» Тогда было бы легче. Тогда было бы намного легче. Я сражался пять лет, но мне больше не нужно это делать. Так гораздо лучше, гораздо, ведь где-то есть лес, по которому мне хотелось бы пройти, а не пойдешь же гулять в лес затем, чтобы сражаться. Где-то есть девушка, с которой мне хотелось бы переспать, но ведь не станешь же спать с ней и одновременно бороться. Ничего нельзя сделать, одновременно борясь. И особенно нельзя жить, все время борясь. Теперь я сделаю все то, что хочу, но борьбы больше не будет.

Как сразу стало спокойно и чудесно. Какой солнечный день и какое красивое поле, с коровами, и маленьким прудом, и зелеными изгородями с примулами, растущими прямо в них. Ничто меня больше не будет беспокоить, ничто, ничто, ничто. Даже тот, другой человек, который плещется вон там в воде, в этом же пруду. Кажется, он совсем запыхался и дышит с трудом. Кажется, он вынимает что-то из пруда, что-то тяжелое. Вот уже вынул на берег и теперь тащит по траве. Смешно. Оказывается, это тело. Тело какого-то мужчины. Вообще-то, по-моему, это я. Да-да, я. Я это знаю точно, потому что на груди моего комбинезона пятнышко желтой краски. Вот он наклонился и проверяет мои карманы, вынимает деньги и удостоверение личности. Он нашел мою трубку и письмо, которое я получил утром от матери. Снимает часы. Встает. Уходит. Он решил оставить мое тело на траве рядом с прудом. Он быстро идет по полю в сторону прохода в изгороди. Похоже, он насквозь промок и к тому же возбужден. Надо бы ему немного отдохнуть. Надо бы отдохнуть, как это делаю я. Если не отдохнет, то ему и самому это не понравится. Надо ему сказать об этом.

— Почему бы тебе немного не отдохнуть?

Боже мой, как он вздрогнул, когда я заговорил. А его лицо! Вы только посмотрите на его лицо. Никогда не видел такого испуганного человека. Он побежал прочь. То и дело оглядывается через плечо, а сам бежит. Но вы только посмотрите на его лицо; видите, какой у него несчастный вид и как он напуган. Нет, мне с ним не по пути. Думаю, лучше его оставить. Пожалуй, побуду здесь еще немного. Потом пойду вдоль изгороди, поищу примулы, а повезет, так и фиалки найду. А потом усну. Прямо на солнце.

АФРИКАНСКАЯ ИСТОРИЯ

Для Англии война началась в сентябре 1939 года. Жители острова тотчас о ней узнали и принялись готовиться. В более отдаленных местах о ней узнали спустя несколько минут после начала войны и тоже стали готовиться.

А в Восточной Африке, в Кении, жил молодой белый человек; он был охотником и любил равнины и долины и холодные ночи на склонах Килиманджаро. Он тоже просыпал о войне и начал готовиться. Он прибыл в Найроби, для чего ему понадобилось пересечь всю страну, явился в местное управление Королевских воздушных сил и попросил сделать из него летчика. Его приняли, и он приступил к тренировкам в аэропорту Найроби. Он летал на небольших «бабочках-медведицах»¹ и хорошоправлялся с управлением ими.

Спустя пять недель он едва не предстал перед военно-полевым судом за то, что, вместо того чтобы учиться вращению ласточкиной и входить в повороты с заглушкой двигателя, как ему было приказано, он полетел в сторону Накуру посмотреть сверху на животных и на равнину. По пути ему показалось, будто он увидел саблерогую антилопу, а поскольку это редкое животное, его охватило любопытство, и он снизился, чтобы получше ее рассмотреть. Он разглядывал антилопу с левой стороны кабины и потому не увидел жирафа с другой. Передней кромкой правое крыло врезалось в шею жирафа чуть ниже головы животного и прошло насквозь. Вот так низко он летел. Крыло получило повреждение, но он дотянул до Найроби, и, как я уже говорил, он едва не предстал перед военно-полевым судом, ибо разве можно оправдаться, заявив, что сбил большую птицу, когда к крылу и к стойкам пристали куски жирафьей шкуры и его шерсть.

¹ «Тайгер-Мот» (Tiger Moth) — учебный биплан фирмы «Де Хэвилленд».

Через шесть недель ему разрешили совершить первый самостоятельный маршрутный полет, и он полетел из Найроби в местечко под названием Эльдорет — маленький городишко, расположившийся в горах на высоте восьми тысяч футов. Но ему опять не повезло. На этот раз случился перебой в работе двигателя, из-за того что в баки с горючим попала вода. Он сохранил самообладание и, не повредив самолета, совершил великолепную, хотя и вынужденную, посадку неподалеку от маленького домика, одиноко стоявшего на высокогорной равнине. Других жилищ не было видно. Местность там пустынная.

Он подошел к домику и обнаружил жившего в одиночестве старика, у которого всего-то было что небольшой клочок земли, засаженный сладким картофелем, а также несколько куриц и черная корова.

Старик был добр к нему. Он дал ему еды и молока, уложил спать; летчик оставался у него два дня и две ночи, пока спасательный самолет из Найроби не обнаружил на земле его машину; летчик-спасатель приземлился рядом, узнал, что случилось, улетел и вернулся с неразбавленным горючим, что дало возможность и молодому человеку взлететь и вернуться на базу.

Однако, пока он был с одиноким стариком, который месяцаами никого не видел, тот радовался его обществу и выпавшему слушаю поболтать. Старик без конца говорил, а летчик слушал. Старик рассказывал о своей одинокой жизни, о львах, которые приходили по ночам, о слоне-отшельнике, который жил за холмом на западе, о знойных днях и о тишине, опускавшейся в полночь вместе с прохладой.

На вторую ночь он рассказал о себе. Он поведал летчику длинную странную историю, и, когда он рассказывал ее, слушателю казалось, будто старик тем самым снимает с плеч огромную тяжесть. Закончив, он сказал, что никогда раньше никому не рассказывал эту историю и что никогда никому больше ее не расскажет, но история была такая странная, что летчик записал ее на бумаге, как только возвратился в Найроби. Он записал ее не словами старика, а своими собственными, так что старик стал персонажем рассказа, — да так, наверное, и лучше было. Раньше летчик никогда не писал рассказов и, естественно, не избежал ошибок. Ему неведомы были приемы, к которым прибегают писатели, равно как не знал

он ничего и о методах, которыми пользуются художники, но, когда он закончил писать, отложил карандаш и отправился в клуб-столовую, чтобы выпить там пинту пива, ему показалось, что у него вышел рассказ редкой силы.

Мы нашли этот рассказ в его чемодане две недели спустя, когда разбирали его вещи, после того как он разбился в учебном полете, а поскольку у него, похоже, не было родственников и поскольку он был моим другом, я взял рукопись и позаботился о ней за него.

Вот что он написал.

Старик вышел из дома. Ослепительно сияло солнце, и с минуту он стоял, опираясь на свою палку, оглядываясь вокруг и щурясь от яркого света. Он стоял, склонив голову набок, поглядывая наверх, прислушиваясь к шуму, который ему незадолго перед тем почудился.

Он был невысок ростом, коренаст, и ему уже давно перевалило за семьдесят, хотя на вид можно было дать и восемьдесят пять — так его скрутил ревматизм. Его лицо было покрыто щетиной, а когда он раскрывал рот, двигался только один его уголок. На его голове, находился ли он дома или на открытом воздухе, всегда был грязный белый тропический шлем.

Он стоял совершенно неподвижно на ярком солнце, щурясь и прислушиваясь к шуму.

И снова те же звуки. Старик резко повернул голову и посмотрел в сторону небольшой деревянной лачуги, стоявшей на пастибще в сотне ярдов от него. На этот раз сомнений никаких не было: где-то визжала собака; так мучительно и пронзительно она взвизгивает, когда ей грозит большая опасность. Визг раздался еще дважды, на сей раз больше похожий на крик. Казалось, эти звуки вырывались из самого нутра животного.

Старик повернулся и быстро заковылял по траве к деревянной лачуге, где жил Джадсон; подойдя к ней, он распахнул дверь и вошел внутрь.

На полу лежала маленькая белая собака, а над ней, расставив ноги, стоял Джадсон; темные волосы закрывали его длинное красное лицо. Высокий и тощий, он стоял и бормотал что-то про себя; его грязная белая рубаха пропиталась потом. Челюсть его отвисла, будто отяжелела, рот как-то странно раскрылся, точно онемел,

а посередине подбородка медленно текла слюна. Он стоял и смотрел на маленькую белую собаку, лежавшую на полу, и медленно теребил рукой мочку левого уха; в другой руке он держал тяжелую бамбуковую палку.

Не обращая внимания на Джадсона, старик опустился на колени рядом с собакой и ласково погладил ее своими костлявыми пальцами. Собака лежала неподвижно, глядя на него водянистыми глазами. Джадсон не двигался. Он смотрел на собаку и на старика.

Старик медленно, с трудом поднялся, опираясь обеими руками на палку. Он оглядел комнату. В дальнем углу лежал грязный матый матрас; на столе, сколоченном из упаковочных ящиков, стояли примус и кастрюля с оббитыми краями. Грязный пол был усеян куриными перьями.

Старик увидел то, что ему было нужно. Это был тяжелый железный лом, стоявший у стены возле матраса. Он заковылял к нему, стуча своей палкой по прогнувшимся половым доскам. Пока он ковылял, собака не сводила с него глаз. Старик взял палку в левую руку, лом — в правую, приковылял обратно к собаке, поднял лом и не мешкая с силой опустил его на голову животного. Отшвырнув лом в сторону, он взглянул на Джадсона, который по-прежнему стоял в той же позе; по подбородку его все еще текла слюна, а краешки глаз подергивались. Старик приблизился к Джадсону и заговорил. Он говорил очень тихо и медленно, кипя от гнева, и при этом двигался только один уголок его рта.

— Ты убил ее, — сказал он. — Ты сломал ей хребет.

Затем, переполнившись гневом и ощущив прилив сил, он нашел и другие слова. Он поднял голову и плонул в лицо тощего Джадсона, который заморгал и попятился к стене.

— Ты, паршивый подлый ублюдок, ты убил собаку. Это была моя собака. Какое чертова право ты имел бить мою собаку, говори! Отвечай же, ты, слюнявый псих. Отвечай!

Джадсон принял медленно вытирать ладонь и тыльную сторону руки о рубашку, все лицо его при этом дергалось. Не поднимая глаз, он сказал:

— Она без конца лизала себя, и так шумно, что я не мог это вынести. Терпеть не могу, когда вот так себя лижут, лижут, лижут. Я сказал ей, чтобы она прекратила. Она посмотрела на меня и помахала хвостом, а потом снова стала себя лизать. Этого я терпеть не мог, потому взял и побил ее.

Старик ничего на это не сказал. Какое-то мгновение казалось, что он вот-вот ударит Джадсона. Он даже поднял было руку, но потом опустил ее, сплюнул на пол, повернулся и проковылял за дверь, туда, где светило солнце. Он прошел по траве к тому месту, где в тени небольшой акации стояла черная корова, жевавшая свою жвачку; корова стояла и смотрела, как он ковыляет к ней. Жевать она не переставала ни на минуту, челюстями двигала размеренно, механически — точно метроном отмеривает время. Старик подошел к ней, остановился и принял гладить ее шею. Потом оперся о ее лопатку и стал чесать ей спину толстым концом своей палки. Он долго так стоял, прислонившись к корове, почесывая ей спину палкой; время от времени он заговаривал с ней, тихо произнося какие-то слова, — точно так же один человек делится с другим своими секретами.

В тени акации было прохладно; все вокруг нее после долгих дождей буйно заросло и радовало глаз, ведь на кенийском высокогорье растет по-настоящему зеленая трава. В это время года, после дождей, она сочная и зеленая, какой и должна быть трава. Далеко на севере возвышалась сама гора Кения, увенчанная снежной шапкой; с ее вершины, где ледяные ветры подняли бурю, сдувая белую пыль, тянулась белая струйка. Где-то внизу на склонах той же горы обитали львы и слоны, и по ночам иногда можно было слышать, как лев рычит на луну.

Прошло несколько дней, и Джадсон вернулся к своей работе на ферме; молча, как бы механически, он собирал зерно, выкапывал сладкий картофель и доил черную корову, тогда как старик оставался в доме, прячась от жестокого африканского солнца. Только к концу дня, когда становилось прохладнее и поднимался резкий ветер, он, прихрамывая, выходил наружу и всякий раз шел к черной корове, чтобы провести с ней часок под акацией. Однажды, выйдя из дома, он застал возле коровы Джадсона. Тот как-то странно смотрел на нее, в присущей ему манере выставив вперед ногу и теребя мочку уха правой рукой.

- В чем дело? — медленно подойдя к нему, спросил старик.
- Корова без конца жует, — ответил Джадсон.
- Ну и пусть себе жует, — сказал старик. — Оставь ее в покое.
- Этот хруст, разве ты не слышишь его? — сказал Джадсон. — Такой стоит хруст, будто она жует гальку, только это совсем дру-

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕРЕХОЖУ НА ПРИЕМ

Перевод И. Богданова

Смерть старого человека	7
Африканская история	18
Пустяковое дело	32
Мадам Розетт	44
Катина	75
Прекрасен был вчерашний день	99
Они никогда не станут взрослыми	104
Осторожно, злая собака	120
Быть рядом	132
У кого что болит	137

У КОГО ЧТО БОЛИТ

Перевод И. Богданова

Вкус	147
Агнец на закланье	161
Человек с юга	171
Солдат	182
Моя любимая, голубка моя	191
Концы в воду	206
Фоксли Скакун	217
Кожа	232
Яд	249
Фантазер	260
Шея	264
Звуковая машина	283
Nunc Dimittis	296
Автоматический сочинитель	319

СОДЕРЖАНИЕ

Собака Клода	
Крысолов	339
Рамминс	350
Мистер Ходди	360
Мистер Физи	367

ПОЦЕЛУЙ

Перевод И. Богданова

Хозяйка пансиона	397
Уильям и Мэри	406
Дорога в рай	432
Четвертый комод Чиппендейла	445
Миссис Бикси и полковничья шуба	469
Маточное желе	486
Джордж-Горемыка	512
Бытие и катастрофа	535
Эдвард-завоеватель	542
Свинья	560
Чемпион мира	580

«СУКА»

Перевод И. Богданова

Ночная гостья	607
Сделка	654
Последний акт	679
«Сука»	709

НОВЫЕ НЕВЕРОЯТНЫЕ ИСТОРИИ

Перевод М. Пчелинцева

Перевод И. Богданова (помечен *)

Зонтичник	741
Мистер Ботибол	748
Корпорация «И Аз воздам»	769
Дворецкий	789
Тайна мироздания*	793
Букинист	800
Попутчик	820
Хирург	833

ЛИТЕРАТУРА ТВОРИТ ДОБРО

«Если у тебя добрые мысли, они засияют на твоем лице солнечными лучами и ты будешь выглядеть очаровательно», — говорил Роальд Даль.

Мы верим в добрые дела.

Вот почему 10% всех доходов* наследники Роальда Даля перечисляют благотворительным организациям. Мы финансировали программы поддержки нуждающихся семей, образовательные программы, обеспечивали вызов сиделок и медсестер со специальными навыками. Спасибо вам, что помогаете нам в этой важной работе.

См. подробности на roalddahl.com

Благотворительный фонд Роальда Даля зарегистрирован в Великобритании как благотворительная организация под номером 1119330.

ROALD DAHL

* Доходов, полученных от продажи книг, за вычетом комиссии третьих лиц.

Даль Р.

- Д 15 Дорога в рай : полное собрание рассказов / Роальд Даль ; пер. с англ. И. Богданова, М. Пчелинцева. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2017. — 864 с. — (Иностранная литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-12381-6

Полное собрание «взрослых» коротких историй одного из лучших рассказчиков нашего времени, выдающегося мастера черного юмора, адепта воинствующей чистоплотности и нежного человеконенавистничества. За свою долгую жизнь Даль успел послужить в военной авиации, написать несколько киносценариев, в том числе для Уолта Диснея, и множество книг, пользовавшихся феноменальным успехом у детей и взрослых и неоднократно экранизированных («Чарли и шоколадная фабрика», «Бесподобный мистер Фокс», «Большой и добрый великан» и др.). Итак, вашему вниманию предлагается полное собрание знаменных рассказов; здесь орудием убийства стала баранья нога, картину классика современной живописи обнаружили на коже уличного бродяги, хозяйка пансиона увлеклась таксидермией — а знаменитый «Человек с юга» (также известный как «Париж») лег в основу фильмов А. Хичкока и К. Тарантино.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

РОАЛЬД ДАЛЬ
ДОРОГА В РАЙ
ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ РАССКАЗОВ

Ответственный редактор Александр Гузман

Художественный редактор Илья Кучма

Технический редактор Татьяна Тихомирова

Компьютерная верстка Ирины Варламовой

Корректор Ирина Киселева

Подписано в печать 19.12.2016. Формат издания 60 × 90 $\frac{1}{16}$.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 64. Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака «Издательство Иностранка»
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

YLN2041401R